

Раздел II
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
МОРАЛЬНЫЕ, ЯЗЫКОВЫЕ КОНТЕКСТЫ

Part II. SOCIAL SPACE: MORAL, LINGUISTIC CONTEXTS

УДК 30 + 13 + 16

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В МОРАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНТЕКСТАХ***

А. А. Шевченко (Новосибирск)

Проблематизация рациональности имеет место не только в научном познании, но и в моральных и политических контекстах. Ценностный плюрализм и эпистемические ограничения субъекта увеличивают разрыв между требованиями рациональности и нормативности, затрудняют принятие как индивидуальных, так и коллективных решений. Постулаты практической рациональности в социальных контекстах нуждаются в критическом переосмыслении инструментального аспекта и требований эпистемической и ценностной рациональности.

Ключевые слова: рациональность, обоснование, социальные контексты, моральный выбор, противоречие, нормативность.

RATIONALITY IN MORAL AND POLITICAL CONTEXTS

A. A. Shevchenko (Novosibirsk)

The problematic status of rationality is evident not only in science but also in moral and political contexts. The value pluralism and epistemic limitations of the decision-making subject widen the gap between the requirements of rationality and normativity and hinder making individual and collective decisions. The postulates of practical rationality in social contexts need critical reassessment, concerning their instrumental aspect and the requirements of epistemic and axiological rationality.

Key words: rationality, justification, social contexts, moral choice, contradiction, normativity.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) "Новые парадигмы социального знания".

© Шевченко А. А., 2013

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Рациональность, как одна из наиболее фундаментальных категорий, всегда находилась в центре философских исследований – шла ли речь о природе разума, разумности как определяющей характеристике человека или рациональности научных систем, социальных институтов и мироздания в целом. Отношение к рациональности как к несомненной ценности наблюдается уже с античности. Рациональность при этом отождествлялась с интеллектуальным исследованием, рассуждением. Особый статус рациональности в Древней Греции определялся еще и тем, что с разработкой процедур рациональной аргументации было неразрывно связано само появление и развитие профессиональной философии. А это, в свою очередь, было обусловлено двумя факторами: а) зарождением представлений о существовании объективной и независимой истины и б) осознанием относительной автономности субъекта, возможности самому распоряжаться своей жизнью (хотя бы и в границах, установленных богами) и в том числе искать эту объективную истину.

В современных философских исследованиях общим местом стали слова о кризисе рациональности. Суть кризиса – утрата единой рациональности, единого, привычного с античности Логоса, возвращение к которому было одной из неудавшихся целей проекта Просвещения и важнейшей чертой мировоззрения Нового времени. Исторически, среди причин кризиса – разочарование во всемогуществе научного познания, понимание ограниченности европоцентризма, чему способствовало изучение других культур, обладающих собственными стандартами целостности и рациональности, открытие сферы бессознательного и подсознательного и выяснение той роли, которую играют внерациональные мотивы в принятии решений и поведении людей. При том что роль рациональности в науке привычно считается главенствующей, и сама европейская наука Нового времени сложилась как набор процедур рационального исследования, в XX в. под сомнение были поставлены основные положения классического идеала научности – и сама рациональность как фундаментальная характеристика науки, и истинность как описательная и нормативная характеристика научного знания, и фундаменталистский способ обоснования.

Другая сфера, в которой происходит переосмысление постулатов рациональности – социальные контексты, в первую очередь моральные и политические. Один из главных вопросов формулируется так: является ли необходимым условием рациональности соизмеримость различных целевых и ценностных установок? Р. Рорти, например, непосредственно связывал соизмеримость с рациональностью: «Под “соизмеримостью” я понимаю возможность подпадания под одно и то же множество правил, которые говорят нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт» [1, с. 223–224]. Презумпция рациональности часто также используется в качестве методологического приема, позволяющего объяснить самые разные решения и поступки. На этом фоне особенно важно отметить примечательную тенденцию в современной моральной и политической философии, суть которой заключается в попытке не только переосмыслить понятия рациональности и эксперимента, но и выстроить на их основе методологию социально-философского исследования.

Несмотря на то, что в проектах подобного рода речь идет о мысленных экспериментах, гипотетических ситуациях, в которых ищется возможное рациональное обоснование той ли иной теоретической конструкции, такое обоснование можно назвать публичным. Эта точка зрения разделяется далеко не всеми, ряд авторов настаивают на реальном дискурсе «реальных» индивидов. Так, С. Бенхабиб полагает – когда речь идет о поиске универсальной рациональной аргументации, нужно иметь в виду, что «...универсальность – это не идеальный консенсус фиктивных индивидов, а конкретный политический и моральный процесс борьбы конкретных, телесных индивидов за автономию» [2, с. 153]. К.-О. Апель формулирует менее жесткую позицию, допуская возможность «разговора души с самой собой», если сохраняется возможность проверки такой рефлексивной деятельности в реальном коммуникативном сообществе. При этом он использует доводы Л. Витгенштейна о невозможности «приватного языка»: «Логическая значимость аргументов не может быть доказана, если в принципе не предполагается сообщество мыслителей, способных к intersубъективному взаимопониманию и формированию консенсуса. Даже фактически одинокий мыслитель в состоянии объяснить и доказать свою аргументацию лишь постольку, поскольку он может в критическом разговоре «души самой с собой» (Платон) интериоризировать диалог потенциального аргументационного сообщества. Тут проясняется, что значимость мышления в одиночестве принципиально зависит от оправдания языковых высказываний в актуальном аргументационном сообществе» [3, с. 301].

Идея публичного обоснования характеризуется нормативностью. Среди требований к публичному обоснованию наиболее важным является именно универсальность аргументации, публичное обоснование должно служить убедительным основанием для всех граждан, апеллируя к публичному разуму. Насколько обоснован выбор самой этой процедуры публичного обоснования как средства разрешения серьезных конфликтов ценностного и нормативного характера? [4, с. 26–34]. Во-первых, принято считать, что требования публичного обоснования являются выражением нашей природы как моральных существ. При этом необходимо отметить, что такая аргументация «от моральной природы» обычно является интерналистской и деонтологической. Требования публичного обоснования могут выражать моральный мотив, а именно – желание вести себя в соответствии с принципами, которые могут быть обоснованы самому себе и другим беспристрастным образом. Кроме того, требование публичного обоснования иногда связывается с понятием автономии. «Показать людям, что у них есть достаточные основания принять (такую систему) – это максимум того, чего мы можем добиться для того, чтобы сделать недобровольное участие добровольным» [5, с. 36].

Наряду с привычными задачами рационального обоснования принципов, норм и постулатов, в современных этических исследованиях существует и ряд нетрадиционных проблем. Например, обычно считалось, что оценка моральности наших действий может быть проведена по факту их совершения или даже до их совершения, если опираться на мысль Канта о том, что моральность действия определяется его мотивом, а не

результатом. Однако в ряде ситуаций моральная оценка наших действий определяется событиями, которые не только находятся вне нашего контроля, но и принципиально непредсказуемы. Это находит отражение и в представлениях здравого смысла.

Рассмотрим случай, в котором ситуация неопределенности не позволяет однозначно дать оценку моральности действия. Возможность такого рода была рассмотрена Т. Нагелем в другой работе [6, с. 24–38]. М. Слоут иллюстрирует эту идею с помощью следующей гипотетической ситуации [7, с. 118–119]: часовой, получивший приказ стрелять без предупреждения, видит приближающуюся женщину с ребенком. Классификация его действий (убийство или правомерное выполнение приказа) во многом будет определяться тем, окажется эта женщина врагом или нет. Выбор часового здесь зависит от таких параметров ситуации, которые находятся, во-первых, вне его контроля, и, во-вторых, принципиально непредсказуемы. Можно поэтому говорить о том, что определенная роль в таких ситуациях отводится моральному везению.

Представляется, что этот пример уместен и для иллюстрации понятия рационального везения, которое введено уже М. Слоутом [7, с. 131]. Ситуация выбора может оказаться принципиально непредсказуемой как в силу субъективного аспекта, т. е. наличия противоречивой информации у субъекта, принимающего решение, так и объективных причин, например существующего распределения вероятностей. В такой ситуации наши верования и мнения могут получить обоснование, но не с помощью опоры на принимаемые презумпции, и не с помощью опоры на имеющиеся у нас базовые верования, и даже не с помощью предварительной эпистемической активности субъекта, а в свете последующих событий, во многом зависящих от случая. Эта же идея может быть выражена в терминах семантики возможных миров. Одни и те же религиозные верования могут оказаться рациональными в одном мире (если бог в нем существует) и нерациональными в другом (если его там не окажется) [8, с. 52–59].

Из рассмотрения описанных ситуаций уже можно сделать некоторые выводы. Первый заключается в том, что традиционные представления о факторах, влияющих на обоснование и обоснованность наших верований, нуждаются в пересмотре. Выясняется, в частности, что в группу факторов, традиционно считавшихся нерелевантными, входят такие факторы, как время, везение, распределение вероятностей. Второй вывод состоит в том, что в ситуациях типа рассмотренной выше, когда не срабатывают внутренние критерии рациональности верований, возможно обращение к критериям более высокого уровня и переход от инструментальной к аксиологической рациональности. Действительно, в приведенном выше примере с солдатом ситуация выбора становится выбором между ценностями, такими, как верность долгу и гуманность. Взаимозаменяемость критериев разных уровней (эпистемического и аксиологического) служит дополнительным аргументом в пользу необходимости комплексного рассмотрения всех основных аспектов практической рациональности.

Другим требованием рациональности верований традиционно считается их непротиворечивость. Аристотель писал: «Невозможно, чтобы одно

и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [9, с. 125]. Противоречивые посылки влекут любой вывод. « В самом деле, если истинно, что кто-то есть человек и не-человек, то ясно, что истинно также то, что он не есть ни человек, ни не человек...» [9, с. 131]. Однако развитие нестандартных логик привело к более терпимому отношению к противоречивости. Современные логические исследования показали необоснованность традиционных опасений о том, что одновременное принятие p и $\sim p$ может привести к любому произвольному q . Важнейший вопрос, имеющий богатую историю, состоит в следующем: могут ли существовать обоснованные и, следовательно, рациональные, но противоречивые верования. Среди различных трактовок (не)противоречивости верований следует отметить подход Н. Решера. Он предлагает такую классификацию противоречивости верований, в которой допустимость противоречий находится в прямой зависимости от масштаба противоречивости.

– Слабая противоречивость. Состоит в том, что для некоторого тезиса p сознательно принимается одновременно p и его отрицание: (p) и ($\sim p$) для некоторого p .

– Сильная противоречивость. Принимается (p и $\sim p$) для некоторого p .

– Гиперпротиворечивость. Принимается (p и $\sim p$) для всех p .

– Логический хаос. Принимается (p) для всех p (и, соответственно, ($\sim p$) и ($\sim p$) для всех p) [10, с. 75].

Н. Решер считает допустимым лишь первый, локальный вид противоречивости и утверждает, что противоречия 2–4 не могут лежать в основе адекватной онтологической картины мира в силу своей саморазрушительности. Здесь следует отметить, что такая классификация возможна только в рамках нестандартных паранепротиворечивых логик.

Однако, исходя из прагматического стандарта рациональности, иногда можно считать допустимыми и противоречия второго вида. Основания к этому дает анализ политического поведения. Массовое политическое поведение можно трактовать как процесс социальной адаптации с помощью противоположных верований. Выработка набора альтернативных верований – вот тот механизм адаптации к трудным условиям жизни, который позволяет с помощью «переключения гештальта» сохранять психологический комфорт как в стабильном мире, полном абсурда и противоречий, так и в нестабильном, меняющемся мире. Отсюда следует, что некоторые виды противоречий не только допустимы, но и являются рациональными с прагматической точки зрения, так как обеспечивают адаптацию и выживание.

Одним из центральных вопросов политических исследований является намеренное использование когнитивного диссонанса институтами власти в целях манипулирования массами. Очень важна здесь роль языка. Создание намеренно конфликтующих описаний событий часто помогает структурам власти контролировать ситуацию. Такова одна из функций «двоемыслия», описанного в романе Оруэлла «1984». Не менее важен субъективный аспект эпистемической рациональности. Он включает такие формы эпистемической активности самого человека, как поиск релевантной информации, открытость аргументации, готовность принять

во внимание альтернативные точки зрения, учет не только краткосрочных, но и долгосрочных интересов. Действия субъекта по расширению базы обоснования верований (с учетом реально существующих ограничений: временных, материальных и других) являются, таким образом, обязательным компонентом эпистемической рациональности.

Игнорирование этого регулятива приводит к серьезным этическим проблемам. Так, часто утверждается, что поведение индивида можно считать рациональным в том случае, если решение принято не на основе всей релевантной информации, а на основе информации, которая воспринимается как релевантная самим субъектом. Но как отказ от критической оценки на рациональность имеющихся верований, так и отказ от поиска новой релевантной информации может приводить к ситуациям, когда рациональными начинают считаться многие действия, являющиеся, безусловно, иррациональными.

И, наконец, проблематизируется сама инструментальная рациональность, или целерациональность. Как известно, по мнению М. Вебера, понятие рациональности имеет смысл лишь в отношении выбора средств к имеющейся цели. Критериев же, которые бы позволяли нам говорить о рациональности целей или ценностей, не существует: «...целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам, и, наконец, отношение возможных различных целей друг к другу...» [11, с. 629]. Хотя Вебер и затрагивает проблему взаимоотношений рациональности и ценностей, однако для него отличие целерационального действия от ценностно-рационального заключается в том, что последнее основано на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от его последствий. Раскрывая отношение выделенных им двух видов рациональности, Вебер отмечает, что с точки зрения целерациональности ценностная рациональность всегда иррациональна [11, с. 630]. Первая проблема здесь – уместность понятия максимизации в отношении целей, а вторая – положение о (без) условности или «конечности» целей и ценностей. Для иллюстрации обратимся к области политики. Даже если допустить, что можно найти количественное выражение политическим ценностям, то вовсе не очевидно, что максимизация является единственной стратегией из реализации. Р. Нозик, например, предлагает рассматривать политические принципы не в качестве целей, подлежащих максимизации, а в качестве моральных ограничений, нарушать которые непозволительно даже ради осуществления самих высоких целей. В основе такого подхода лежит мысль Канта о недопустимости использования человека в качестве средства. Наличие у субъекта не единственной цели, а множества разноплановых целей делает актуальным вопрос об отношениях целей и ценностей в системе. Выделим несколько видов зависимости целей друг от друга. Это, во-первых, отношения типа иерархии. В современных этических теориях иногда используется понятие жизненного плана или рационального жизненного плана, то есть всего набора целей, к которым должен стремиться рациональный индивид, заботящийся как о кратковременных, так и о

долговременных интересах. При этом сам рациональный жизненный план может считаться метацелью, то есть такой целью, содержанием которой является реализация всего набора целей, имеющих у индивида. Взаимная обусловленность целей и метацели является первым типом обусловленности целей.

Однако отношения условности или обусловленности не сводятся к отношениям по типу иерархии. Выделим и некоторые другие виды относительности целей и ценностей. Во-первых, это временная относительность. Сама идея максимизации ценностей, входящих в рациональный жизненный план, предполагает равное отношение ко всем периодам жизни человека. Однако очень трудно указать такие цели или ценности, стремление к которым безусловно рационально независимо от периода человеческой жизни. Наличие разработанного рационального плана жизни вряд ли можно считать рациональным для ребенка. Кроме того, отдельным ценностям, даже таким универсальным, как, например, любовь, здоровье и другим, уделяется разное внимание в разные периоды жизни человека.

В настоящее время все острее ощущается новый кризис доверия к рациональности, что заставляет некоторых философов говорить о необходимости реабилитации категории «рациональность» как о приоритетной задаче современной философии. Одной из главных причин сегодняшнего кризиса называется релятивизм, «умножение рациональностей». Причина этого – не только множественность и историко-культурная вариативность стандартов рациональности, но, как это ни парадоксально, имевший место чрезмерный ригоризм как научной рациональности, так и конкурирующих с ней моделей – экономической и теоретико-игровой. Признание роли, которую играет субъективное в научном познании, того факта, что люди не являются лишь максимизирующими выгоду экономическими агентами, а достижение оптимального результата в стратегическом взаимодействии невозможно без риска, доверия к партнеру и кооперации, имело следствием тот факт, что зона рационального стала стремительно расширяться.

Преобладание этой точки зрения и обусловило обсуждение, по преимуществу, лишь когнитивного и инструментального аспектов рациональности, причем первый является центральным для рациональности теоретической, а второй – практической. Главный вопрос заключается в следующем: можно ли, и если да, то как, расширить контекст рассмотрения за счет включения в сферу рациональности ценностных факторов и категорий. При этом существуют два аспекта проблемы. Первый – правомерно ли, вопреки мнению Аристотеля и Вебера, вообще говорить об аксиологическом аспекте рациональности, т. е. о рациональности самих целей и ценностей и, в том числе, о рациональном обосновании этики? Все сказанное о целях можно считать и относящимся к ценностям, так как граница между целями и ценностями весьма условна. Обращение к истории философии показывает, что цели и ценности зачастую не различались. Сама рациональность считалась не только ценностью, но и целью, к которой необходимо стремиться. Структурный аргумент в пользу совместного рассмотрения целей и ценностей заключается в том, что

содержательно любую ценность можно представить в виде некоторого состояния дел, являющегося результатом реализации определенной цели. Это можно представить следующим образом: «ценность V есть некоторое состояние дел S, при котором...». Такая форма представления демонстрирует принципиальную возможность реализации этих состояний. Такая принципиальная целенаправленность фиксируется и в обыденном словоупотреблении в таких выражениях, как «добиваться справедливости или любви», «искать красоту» и других. Второй же аспект таков: каково ценностное содержание рациональности как философской категории, с какими ценностными категориями она наиболее тесно взаимодействует в семантическом и функциональном плане, какие ценностные понятия наиболее тесно связаны с рациональностью и влияют как на принятие рационального решения, так и на последующую проверку его на рациональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рорти Р.** Философия и зеркало природы. – Новосибирск, 1997. – 320 с.
2. **Benhabib S.** Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. – N. Y. : Routledge, 1992. – 269 p.
3. **Апель К.-О.** Трансформация философии. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
4. **D'Agostino F.** Free Public Reason. – N. Y., Oxford : Oxford Univ. Press. – 269 p.
5. **Nagel T.** Equality and Partiality. – N. Y., Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. – 186 p.
6. **Nagel T.** Mortal Questions. – Cambridge, 1979. – 217 p.
7. **Slote M.** Common-sense Morality and Consequentialism. – L., 1985. – 157 p.
8. **Slote M.** Goods and Virtues. – Oxford, 1983. – 148 p.
9. **Аристотель.** Метафизика // Соч. : в 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – 550 с.
10. **Resher N.** Rationality. – Oxford, 1988. – 234 p.
11. **Вебер М.** Избранные произведения. – М., 1990. – 809 с.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 316.3/.4 + 930 + 008 + 32

БЕЗ ОТЦОВ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ*

И. Б. Фан (Екатеринбург)

Автор рассматривает проблему кризиса социального института отцовства в современной России, разных его аспектов и последствий для социализации новых поколений, социально-политического порядка, культуры

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Фан И. Б., 2013

Фан Ирина Борисовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения РАН.
E-mail: Irina-fan@yandex.ru